

Социальная политика. Социальная структура

© 2020 г.

Е.И. ДОБРОЛЮБОВА, В.Н. ЮЖАКОВ, А.Н. ПОКИДА, Н.В. ЗЫБУНОВСКАЯ

КАК И ПОЧЕМУ ГРАЖДАНЕ ОЦЕНИВАЮТ СВОЮ ЗАЩИЩЕННОСТЬ ОТ КОНТРОЛИРУЕМЫХ ГОСУДАРСТВОМ РИСКОВ

ДОБРОЛЮБОВА Елена Игоревна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления Института прикладных экономических исследований (dobrolyubova-ei@ranepa.ru); ЮЖАКОВ Владимир Николаевич – доктор философских наук, директор Центра технологий государственного управления Института прикладных экономических исследований (yuzhakov-vn@ranepa.ru); ПОКИДА Андрей Николаевич – кандидат социологических наук, директор Центра социально-политического мониторинга Института общественных наук (pokida@ranepa.ru); ЗЫБУНОВСКАЯ Наталья Владимировна – научный сотрудник Центра социально-политического мониторинга Института общественных наук (nzyb@ranepa.ru). Все – Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия.

Аннотация. Хотя одним из важнейших общественных благ является защищенность граждан от контролируемых государством рисков, данный фактор пока слабо учитывается в оценке качества государственного управления. Авторами дан анализ материалов социологических опросов РАНХиГС, характеризующих оценку гражданами уровня защищенности важных для них ценностей (жизни, здоровья, имущества, персональных данных и др.) от основных видов контролируемых государством рисков. Результаты трех опросов, проведенных в 2018–2020 гг. во всех федеральных округах, показывают, что лишь около трети россиян оценивают уровень защищенности значимых для них ценностей как очень высокий или скорее высокий, а более половины считают уровень их защищенности низким. Оценки граждан зависят как от социально-демографических факторов, так и от личного опыта респондентов (столкновения с рисками и фактами причинения вреда), а также их доверия к контрольно-надзорным государственным органам. Выявлена прямая взаимосвязь оценок уровня защищенности и готовности граждан к дополнительным расходам на обеспечение защиты от рисков.

Ключевые слова: восприятие рисков • качество государственного управления • контроль • общественно значимые ценности • риски • уровень защищенности • доверие к власти

DOI: 10.31857/S013216250009316-0

Оценка защищенности как характеристика качества государственного управления.

Одной из ключевых задач любого государства является обеспечение защиты важных для граждан ценностей (жизни, здоровья, имущества, законных прав и свобод, персональных данных, памятников истории и культуры, окружающей среды и др.) от рисков причинения им вреда. Важность данной задачи признается независимо от роли, которую играет

государство в экономике в целом, даже в парадигмах минимизации государственного вмешательства [Блок, 2004]. Однако, несмотря на активное использование социологических данных при оценке результативности деятельности государственных органов, влияние государства на снижение уровня контролируемых им рисков учитывается слабо.

Важными показателями качества государственных институтов, широко используемыми в теории и практике, являются удовлетворенность граждан качеством предоставления государственных услуг и уровень доверия государственным органам [OECD, 2017]. Однако каждый из них имеет значимые ограничения. Оценка удовлетворенности тесно связана с обращением за конкретной услугой, что не позволяет использовать ее как обобщенную характеристику [Bouckaert, Van de Walle, 2003], а взаимосвязь доверия государственным органам и результативности их деятельности во многом зависит от качества измерения последней [Yang, Holzer, 2006]. Ни один из этих показателей не отражает успешность государства в обеспечении защиты общественно значимых ценностей.

В контексте растущего внимания к роли государства в повышении благосостояния и качества жизни граждан [Helliwell et al., 2018] повышается актуальность и защиты общественно значимых ценностей. Экономическая и физическая безопасность рассматриваются среди важных компонентов оценки качества жизни [Лебедева, 2018]. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) рекомендует учитывать показатели личной безопасности при интерпретации субъективных оценок благополучия граждан [OECD, 2013], а Всемирный банк учитывает показатели физической безопасности в рамках критерия «политическая стабильность и отсутствие насилия» – одного из шести индикаторов качества государственного управления [Kaufmann et al., 2011]. Эти примеры показывают, что чаще всего при оценке безопасности рассматривается лишь один риск, действия преступников, но практически не учитываются другие риски причинения вреда общественно значимым ценностям (например, в сфере безопасности продовольственных и непродовольственных товаров, экологической безопасности, связанные с использованием персональных данных). Между тем именно на их минимизацию направлены государственное регулирование и масштабная контрольно-надзорная деятельность государства. Их корректная оценка требует «проверки реальностью», в том числе на основе социологических опросов граждан и других заинтересованных сторон [OECD, 2018]. В современных условиях мирового социально-экономического кризиса, триггером которого стала пандемия нового коронавируса, проведение такой оценки является особенно значимым.

В статье далее анализируется оценка российскими гражданами уровня защищенности общественно значимых ценностей от основных контролируемых государством рисков и угроз (что равносильно оценке гражданами своей защищенности). Исследование основано на итогах трех раундов социологических опросов, последний из которых был проведен за 2–3 недели до пандемии, начавшейся в России в марте 2020 г.

Факторы, влияющие на оценку рисков. В мире накоплен значительный опыт проведения эмпирических исследований, посвященных оценке населением уровня различных рисков. Ранние исследования основывались на психометрической парадигме и ориентировались на оценку влияния социально-демографических и социокультурных характеристик на восприятие рисков [Boholm, 1998]. К значимым детерминантам, определяющим оценку рисков, были отнесены степень опасности, ассоциированная с конкретным риском, а также наличие информации о риске и его возможных последствиях [Meng et al., 2013]. Дальнейшие исследования показали, что важную роль в оценке рисков и готовности граждан к их принятию играют и этические соображения [Van Tol, 2016]. При этом степень влияния индивидуальных личностных факторов респондентов на восприятие риска варьируется в зависимости от типа исследуемого риска [Cummings et al., 2013]. Восприятие риска зависит и от социальной роли опрошенных: рассматривая те или иные риски с позиции потребителей, респонденты оценивают их ниже, чем с позиции граждан и государства, в большей степени заинтересованных в высоком уровне безопасности [Mouter et al., 2018].

Исследования показали влияние личного опыта и осведомленности респондентов на восприятие рисков [Eiser et al., 2012], что позволило предположить возможное влияние

СМИ на восприятие рисков населением. Однако научные работы, посвященные отдельным рискам, не всегда подтверждают данное предположение. Так, результаты исследований в Китае не показали наличия статистически значимой взаимосвязи между оценкой рисков, связанных с потреблением пищевых продуктов, и критическими публикациями СМИ, посвященными качеству продуктов питания [Liu, Ma, 2016]. В то же время в российских и зарубежных исследованиях при оценке результативности работы полиции и личной защищенности граждан деятельность СМИ рассматривается как один из важнейших факторов, влияющих на оценки граждан [Юдина и др., 2017; Cheng, 2015].

Большинство эмпирических исследований указывают на наличие взаимосвязи между уровнем доверия государству и конкретным институтам, с одной стороны, и восприятием рисков, на минимизацию которых направлена деятельность данных институтов, – с другой. Например, исследования в Финляндии [Vainio et al., 2014] и в Китае [He et al., 2019] показывают, что оценка населением рисков в сфере безопасности продуктов питания зависит от доверия государственной политике и государственным органам в данной сфере. В то же время сила данной взаимосвязи не одинакова для различных уровней управления [Ma, Christensen, 2019]. Некоторые авторы настаивают на обратной зависимости данных факторов и показывают, что уровень защищенности (в данном случае от рисков, связанных с продуктами питания) влияет на уровень доверия власти [Han, Yan, 2019]. В любом случае наличие взаимосвязи между восприятием рисков и защищенности от них, с одной стороны, и доверием к государственным институтам, с другой стороны, свидетельствует о важности учета уровня защищенности граждан от контролируемых рисков при оценке качества государственного управления.

Взаимосвязь оценки рисков и уровня доверия государственным институтам не следует интерпретировать как проявление высокой зависимости граждан от государства в защите от негативного влияния контролируемых рисков и угроз. Недавнее исследование показало, что граждане, имеющие собственные накопления и иные средства, позволяющие смягчить влияние социально-экономических кризисов, оценивают действия власти в кризисные периоды не ниже, а выше, чем граждане, не имеющие таких резервов [Tertytchnaya, De Vries, 2019]. Доверие государству влияет и на готовность граждан к дополнительным расходам на минимизацию рисков причинения вреда общественно значимым ценностям, в частности окружающей среде [Qin, Song, 2019].

В целом проведенный анализ показывает важность оценки гражданами уровня защищенности значимых для них ценностей от контролируемых рисков и учета результатов такой оценки при выработке и реализации государственной политики. В рамках такой оценки необходимо исследовать различные параметры, связанные как с социально-демографическими характеристиками, так и с наличием личного опыта столкновения с необходимостью защиты от исследуемых рисков и угроз. Важно дифференцировать оценку различных видов рисков, а также оценивать готовность к личному участию граждан в защите общественно значимых ценностей. Наконец, в контексте оценки уровня защищенности важную роль играет и оценка доверия граждан к контрольно-надзорным органам. Все эти факторы были учтены нами при оценке уровня защищенности граждан.

Методология исследования. Представленные в статье результаты получены на основе трех репрезентативных социологических опросов населения, проведенных РАНХиГС в апреле 2018, в марте 2019 и в марте 2020 гг. по однотипной методике [Южаков и др., 2019]. Респондентами опросов (соответственно 1010, 2000 и 2000 человек) являлись граждане Российской Федерации в возрасте 18 лет и старше. Использовалась многоступенчатая квотная выборка с вероятностным отбором респондентов на последнем этапе. Опросы проводились в различных федеральных округах (28 субъектов РФ в 2018 г., по 35 субъектов в 2019 и 2020 гг.) по месту проживания респондентов на основе личного формализованного интервью.

Исследовалась оценка уровня защищенности граждан от 10-ти видов рисков: в сфере личной безопасности; безопасности продуктов питания и непродовольственных товаров;

связанных с пожарами и иными авариями; экологических рисков; связанных с некачественным предоставлением медицинских услуг и потреблением некачественных лекарств; связанных с неблагоприятными (опасными) условиями труда; в сфере транспортной и финансовой безопасности; связанных с несанкционированным распространением и использованием персональных данных. Уровень защищенности граждан по каждому виду риска определялся как доля респондентов, выбравших варианты ответов «очень высокая» и «скорее высокая» на вопрос: «Как вы оцениваете свою защищенность (безопасность жизни и здоровья вас и ваших близких, вашего имущества, персональных данных, иных ваших интересов) от следующих рисков (угроз)?». Общая оценка гражданами уровня защищенности рассчитывалась как среднее арифметическое оценок уровня защищенности по видам рисков.

Оценка гражданами уровня защищенности общественно значимых ценностей от контролируемых рисков. Результаты трехлетнего исследования показывают, что в целом россияне низко оценивают уровень защищенности общественно значимых ценностей от контролируемых рисков. По итогам социологического опроса 2020 г. в среднем по всем исследуемым видам рисков лишь 32,9% респондентов оценивали уровень защищенности значимых для них ценностей как достаточный («очень высокий» или «скорее высокий»), а 51,5% опрошенных оценили уровень своей защищенности как недостаточный («скорее низкий» или «очень низкий») (рис. 1). Изменения уровня защищенности граждан по сравнению с предшествующими годами укладываются в пределы погрешности исследования.

Рис. 1. Общая оценка уровня защищенности граждан в 2018–2020 гг. в среднем по всем контролируемым рискам (в % от общего числа опрошенных)

Большинство респондентов (62,4%) в марте 2020 г. отмечали, что в среднем по исследуемым рискам уровень защищенности не изменился, 8,7% опрошенных заявляли о повышении уровня защищенности, 15,1% – о снижении данного показателя за последние два года.

По некоторым видам рисков в 2020 г. по сравнению с 2019 г. выявлены статистически значимые изменения уровня защищенности (рис. 2). Так, в 2020 г. на 5 п.п. по сравнению с 2019 г. снизилась оценка гражданами уровня защищенности от рисков жизни и здоровью, связанных с некачественным предоставлением медицинских услуг, потреблением некачественных (в том числе испорченных) лекарств. Данная тенденция может быть обусловлена ухудшением эпидемиологической обстановки в мире и в России, так что в 2020 г. уровень защищенности от рисков в сфере здравоохранения оценивался гражданами

Рис. 2. Оценки защищенности граждан от контролируемых рисков в 2018–2020 гг. (в % от общего числа опрошенных)

Примечание. *Данные приведены от числа работающих граждан.

ниже, чем по другим видам рисков. Однако оценка уровня защищенности от этого вида риска в 2020 г. все же оказалась почти на 4 п.п. выше, чем в 2018 г. Также на 4,6 п.п. снизилась доля респондентов, считающих достаточным уровень защищенности от рисков, связанных с неблагоприятными (опасными) условиями труда на рабочем месте.

Выше всего в 2020 г. граждане оценивали уровень защищенности от рисков, связанных с потреблением непродовольственных товаров (38% респондентов оценивали уровень своей защищенности как достаточный), и в сфере продовольственной безопасности (37,3%). Оценивая изменения в уровне защищенности от различных рисков за последние два года, респонденты чаще отмечали снижение уровня защищенности от рисков в сфере медицинских товаров и услуг (21,6% опрошенных) и от рисков экологического характера (20,7%).

В отличие от виктимизационных исследований, фиксирующих более низкие оценки уровня защищенности у женщин по сравнению с мужчинами [Sironi, Bonazzi, 2016], итоги нашего исследования, в выборку которого входили все граждане вне зависимости от факта столкновения с угрозой причинения вреда, показывают отсутствие значимых отклонений в оценках уровня защищенности среди мужчин (32,1%) и женщин (33,5%). Гендерные различия в оценках выявлены только в отношении рисков, связанных с неблагоприятными (опасными) условиями труда: уровень защищенности от данного риска оценивается работающими женщинами выше (41,3%), чем мужчинами (35,9%). Это связано, очевидно, с большей занятостью мужчин на опасных производствах и производственных объектах (средний уровень защищенности по данному риску – 38,8%).

Оценка уровня защищенности различается в зависимости от возраста респондентов. По 9-ти из 10-ти исследуемых рисков отмечается тенденция снижения оценок уровня защищенности в более старших возрастных группах по сравнению с молодыми респондентами. Исключение составляет оценка защищенности от рисков, связанных с нарушением неприкосновенности личной жизни и несанкционированным распространением и использованием персональных данных: по этому риску чаще всего о достаточном уровне защищенности заявляют респонденты в возрасте 30–39 лет, тогда как граждане до 30 лет оценивают уровень своей защищенности ниже. В среднем по всем рискам наибольший уровень защищенности отмечается в возрастной группе от 18 до 24 лет (39,3%); наименьший – среди респондентов 60 лет и старше (29,1%).

Еще большее различия в оценках уровня защищенности респондентов с различным материальным положением¹: достаточным уровнем защищенности считают 40,2% респондентов с высоким уровнем материального положения, но 30,8% – со средним уровнем, а среди малообеспеченных опрошенных – только 28,2%.

Работающие граждане несколько чаще считают уровень защищенности достаточным (34,4%), чем неработающие респонденты (29,6%). Выше всего оценивают уровень защищенности общественно значимых ценностей студенты и учащиеся (39,5%). Значительно реже такую оценку дают пенсионеры (25,2%) и безработные граждане (27,3%).

Значимых различий в оценках уровня защищенности в зависимости от типа поселения не выявлено.

Факторы, влияющие на оценку уровня защищенности общественно значимых ценностей. В целом, по данным проведенного в 2020 г. опроса, 49,4% граждан за последние 2 года сталкивались с необходимостью защиты значимых для них ценностей от исследуемых рисков. При этом 35% граждан сталкивались с рисками жизни и здоровью, а 25,5% – с рисками причинения вреда имуществу. Частота случаев столкновения с необходимостью защиты от контролируемых рисков по сравнению с 2019 г. сократилась на 7,3 п.п.

Результаты трехлетних исследований показывают, что оценка гражданами уровня защищенности зависит, прежде всего, от личного опыта респондентов – от столкновения с необходимостью защиты от рисков и от факта причинения вреда значимым для респондентов ценностям (табл. 1).

Личный опыт столкновения граждан с рисками оказывает неоднозначное влияние на их оценки общей защищенности. У респондентов, не сталкивавшихся с угрозами своей безопасности, оценка общей защищенности составляла 33,9%, а у сталкивавшихся лишь с одним риском – даже 34,2%. Однако по мере увеличения частоты столкновений с рисками ожидаемо наблюдается падение оценок: у столкнувшихся с двумя рисками – до 30,6%, с тремя – до 29,6%, с четырьмя – до 26,7%, с пятью и более – до 21,8%. Таким образом,

¹Уровень материального положения оценивался респондентами в рамках опроса. К высокому уровню отнесены респонденты, указавшие, что у них нет материальных затруднений (3,3%) или уровень материального положения сравнительно высокий, хотя некоторые покупки не по карману (21,5%). К среднему уровню отнесены респонденты, ответившие, что денег хватает лишь на основные продукты и одежду (56,4%). К низкому уровню – респонденты, которым, по их оценке, денег не хватает на продукты и одежду (12,4%), и респонденты, указавшие, что живут в крайней нужде (3,3%).

Таблица 1

Уровень защищенности граждан в среднем по контролируемым рискам, 2018–2020 гг.
(в % от соответствующей группы респондентов)

Группа респондентов	Уровень защищенности граждан в среднем по всем рискам		
	2018	2019	2020
В среднем по выборке	30,0	34,3	32,9
Среди респондентов, не сталкивавшихся с необходимостью защиты от рисков	32,7	35,2	33,9
Среди респондентов, сталкивавшихся с необходимостью защиты от рисков	18,4	27,4	24,0
Среди респондентов, которым был причинен вред (ущерб)	17,9	25,9	23,4

личный опыт является очень значимым фактором, существенно определяющим восприятие гражданами уровня защищенности от контролируемых рисков.

На протяжении всех трех лет респонденты указывают свои личные действия как основной фактор, влияющий на уровень защищенности (табл. 2). При этом в 2020 г. имеющие высшее образование чаще выбирали данный вариант ответа (73%), чем респонденты с неполным средним и начальным образованием (65,2%).

Обратим внимание на отмечаемое с 2019 г. снижение значимости государственных контрольно-надзорных органов как фактора, влияющего на повышение уровня защищенности граждан. Действительно, в 2020 г. его значимость отметили лишь 36,1% опрошенных, что на 14,7 п.п. ниже зафиксированного в 2018 г. и на 6,4 п.п. ниже, чем в 2019 г. Выявленная тенденция диссонирует с целями реализуемой с 2016 г. реформы

Таблица 2

Мнения респондентов, от чего в первую очередь зависит их защищенность
(в % от общего числа респондентов)

Вариант ответа	2018	2019	2020
От моих личных действий (выбираю продукты с гарантией качества, иные качественные продукты; проверяю данные гарантии; не пользуюсь услугами сомнительных организаций; владею навыками самообороны: имею высокий уровень финансовой и правовой грамотности и т.д.)	73,1	75,0	71,0
От добросовестности производителей, поставщиков и продавцов продукции (товаров, работ, услуг), в том числе от конкуренции в среде предпринимательства, вынуждающей производителей, поставщиков и продавцов повышать и гарантировать качество продукции	48,0	56,9	53,1
От качества систем страхования жизни и здоровья, имущества граждан, объектов окружающей среды и памятников истории и архитектуры	19,9	16,9	19,1
От качества законов, иных нормативных правовых актов, в том числе стандартов	43,5	43,2	38,8
От деятельности государственных контрольно-надзорных органов	50,8	42,5	36,1
От возможности обжалования и пресечения случаев нарушения стандартов (гарантий) качества продукции, в том числе досудебного обжалования возникающих при этом споров и разногласий	16,5	15,7	14,4
От деятельности судебной системы, возможности защитить свои права в суде	29,5	25,6	20,9
От деятельности общественных организаций (обществ защиты прав потребителей, профсоюзов и др.)	14,2	15,3	12,7
От деятельности саморегулируемых организаций бизнеса	–	7,1	5,3
От деятельности иных государственных органов	9,8	10,7	7,7
От иных факторов	2,0	1,6	1,3

контрольно-надзорной деятельности, предполагающей усиление ориентации деятельности органов контроля на минимизацию рисков причинения вреда гражданам.

В данном контексте важно рассмотреть вопросы доверия контрольно-надзорным органам, которые, как указывалось ранее, тесно связаны с восприятием и оценкой риска. Как показывают данные опроса 2020 г., мнения россиян разделились: 49,7% граждан доверяют государственным контрольно-надзорным органам (по сумме ответов «безусловно, доверяю» и «скорее доверяю»), 40,1% – не доверяют (по сумме ответов «скорее не доверяю» и «безусловно, не доверяю»), 10,2% – затруднились ответить. Полученные результаты близки к международным оценкам: по данным ОЭСР за 2018 г., уровень доверия граждан правительству в России составлял 46% [OECD, 2019].

Результаты опроса 2020 г. свидетельствуют о взаимосвязи оценок уровня защищенности общественно значимых ценностей и уровня доверия граждан контрольно-надзорным органам государства. У респондентов, кто «безусловно доверяет» государственным контрольно-надзорным органам, оценка защищенности составляет 44,1%, у тех, кто «скорее доверяет», – уже только 37,8%, у тех, кто «скорее не доверяет», она падает до 28,2%, а у тех, кто «безусловно не доверяет», – до 22,6%. Тем самым подтверждается отмеченное в зарубежных исследованиях наблюдение, что чем ниже у граждан уровень доверия к власти, тем ниже и их оценки уровня защищенности граждан. При этом вариация оценок защищенности в зависимости от доверия контрольно-надзорным органам выше, чем различия оценок защищенности респондентов в зависимости от их социально-демографических характеристик.

Высокая значимость доверия к власти подтверждается результатами корреляционного анализа. Самую высокую значимость при оценке уровня защищенности от рисков имеет, как и следовало ожидать, личный опыт респондентов: коэффициент корреляции Спирмена между количеством рисков, с которыми респонденты столкнулись за последние два года, и их оценками уровня защищенности составляет 0,301². На втором месте находится доверие к власти: коэффициент корреляции Спирмена между оценкой гражданами уровня защищенности и уровнем доверия контрольно-надзорным органам составляет 0,229. Еще ниже коэффициент корреляции между оценками уровня защищенности и их материальным положением – лишь 0,116.

Степень взаимосвязи оценок уровня защищенности и уровня доверия к контрольно-надзорным органам различается по видам рисков. Наиболее высокая связь наблюдается между оценками доверия контрольно-надзорным органам гражданами и их защищенности от рисков, связанных с личной безопасностью и с несанкционированным распространением/использованием персональных данных: коэффициенты корреляции Спирмена составляют соответственно 0,213 и 0,200.

В отличие от США, где большинство граждан готово в той или иной степени нести дополнительные расходы для снижения рисков [Donahue, 2014: 116], в России к таким дополнительным расходам (уплате более высоких налогов, приобретению более качественных товаров и услуг) готовы лишь 19,6% опрошенных. Подобная тенденция фиксируется на протяжении всех трех лет исследований. Если среди граждан с высоким уровнем материального положения готовность к увеличению своих расходов в общей сложности выражает 32,8% респондентов, со средним уровнем доходов – 17,8%, то среди малообеспеченных граждан – только 7,0%.

Среди граждан, готовых нести дополнительные расходы для повышения защиты общественно значимых ценностей, оценка уровня защищенности составляет 39,6%, в то время как среди тех же, кто не готов к подобным расходам, уровень защищенности существенно ниже – 30,8%. Более высокая оценка уровня защищенности при готовности к дополнительным расходам отмечается и среди наиболее обеспеченных респондентов, и среди респондентов со средним уровнем материального положения (рис. 3). При этом среди

²Все указанные коэффициенты корреляции значимы при $p = 0,01$.

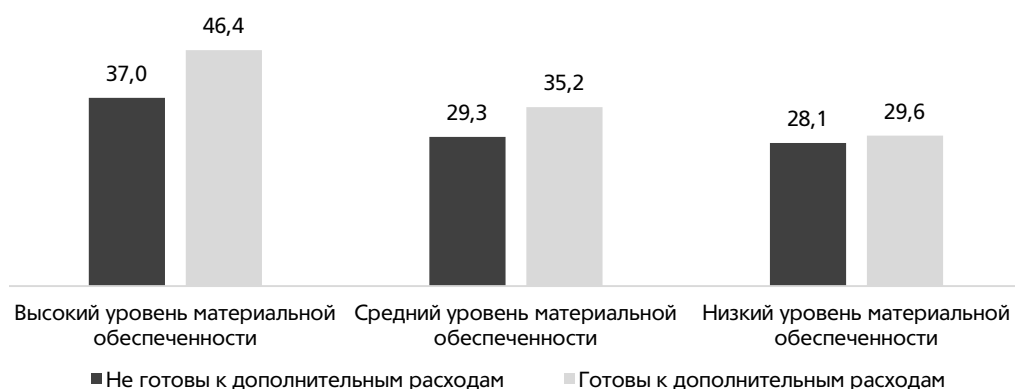

Рис. 3. Оценки защищенности у респондентов, готовых или не готовых к увеличению собственных расходов для повышения защищенности, в зависимости от материальной обеспеченности, 2020 г. (в %)

респондентов, доверяющих контрольно-надзорным органам, готовы к дополнительным расходам 23,3% опрошенных, а среди тех, кто им не доверяет, – 17,4%.

Вопросы влияния СМИ и общего информационного фона на оценку респондентами уровня защищенности не являлись специальным предметом настоящего исследования. В то же время логические соображения позволяют предположить, что такое влияние не является определяющим. Ведь, согласно данным исследования, на протяжении 2018–2020 гг. не отмечается значимых изменений в оценках респондентами уровня защищенности, тогда как показатели доверия СМИ и одобрения их деятельности, по данным социологических опросов Фонда «Общественное мнение»³ и ВЦИОМ⁴, претерпели в это время очень существенные изменения.

Выводы. Уровень защищенности граждан – важный показатель, который, наряду с удовлетворенностью качеством предоставления государственных услуг и доверием к органам власти, позволяет дать комплексную оценку качества государственного управления с позиции граждан. Такая оценка особенно актуальна во времена социально-экономических потрясений (включая начавшийся весной 2020 г. кризис), когда растут требования к качеству государственного управления рисками.

Традиционно для оценки уровня защищенности граждан используются статистические показатели, которые должны объективно отражать заболеваемость, смертность и другие виды причиненного ущерба. Однако предыдущие исследования показали наличие значительных расхождений в статистике частоты причинения вреда как между данными разных органов власти, так и между официальными данными и результатами социологических опросов [Масленникова и др., 2020]. Поэтому использование, наряду с данными статистики, оценок гражданами защищенности значимых для них ценностей позволяет получить более полную характеристику защищенности граждан. Такая оценка позволяет понять, насколько граждан устраивают достигнутые значения статистических показателей их защищенности, и формировать целевые значения для работы по снижению значений этих показателей (смертности, заболеваемости и т.п.) до уровня, приемлемого для граждан на данном этапе.

³ ФОМ. Источники новостей и доверие СМИ. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14170> (дата обращения: 29.04.2020).

⁴ ВЦИОМ. База результатов опросов россиян «Спутник». 2017–2018. URL: https://wciom.ru/database/baza_rezultatov_sputnik/?search=1&prevSql=KGB0cl96aF9xX3ZGmBuYVW1IYCBMSUtFICcl0L7QtNC%2B0LHRGcUnKSAgYW5kiCAoYHRyX3poX3FfdmAuY5G5hbWVglExJS0UgJyXQodCc0JgJyYk%3D&text=%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B1%D1%80*+%D0%BC%D0%B0%D1%81%D1%81*&logic=AND&in_q=on&day_f1=&month_f1=&year_f1=&day_t3=&month_t3=&year_t3=&ds=2&day_f2=15&month_f2=1&year_f2=2017&day_t2=29&month_t2=12&year_t2=2019 (дата обращения: 29.04.2020).

Результаты социологических опросов в 2018–2020 гг. показывают, что, к сожалению, лишь порядка трети российских граждан считают свою защищенность достаточной. Ни по одному из десяти исследуемых видов рисков, на уровень которых в той или иной степени влияет контрольно-надзорная деятельность государства, оценки уровня защищенности в 2020 г. не достигли 40%. В условиях начавшегося социально-экономического кризиса и связанного с ним падения доходов населения следует ожидать существенного снижения оценок уровня защищенности от контролируемых рисков даже по сравнению с относительно низкими базовыми значениями 2018–2020 гг.

Проведенное исследование показало, что восприятие гражданами уровня защищенности значимых для них ценностей зависит как от социально-демографических характеристик (возраста, уровня материального положения, занятости), так и от иных факторов – прежде всего от личного опыта респондентов и уровня доверия граждан контрольно-надзорным органам. Нетривиальным результатом исследования является и выявленная положительная взаимосвязь между оценкой уровня защищенности и готовности к дополнительным расходам, направленным на ее повышение, у респондентов с высоким и средним уровнем материальной обеспеченности. Тот факт, что респонденты чаще всего отмечают значимость собственных действий в обеспечении своей защищенности, свидетельствует о преобладании среди российских граждан рационального и независимого подхода к защите собственных интересов.

Выявленные закономерности позволяют сформулировать некоторые прогнозы, значимые не только для текущего кризиса, связанного с пандемией, но и на более отдаленную перспективу. Безусловно, ощущение защищенности у россиян будет тем выше, чем более результативной будет системная работа государственных органов, направленная на минимизацию вреда общественно значимым ценностям граждан (включая их жизни). Но на повышение оценок защищенности будет работать также повышение прозрачности и подотчетности контрольно-надзорных органов государства, особенно в кризисных условиях. Вероятно, укрепление доверия граждан к контрольно-надзорным органам (и шире – к власти в целом) будет способствовать повышению оценки уровня защищенности не меньше, чем объективное ее повышение. Согласно теореме Томаса, улучшение оценок защищенности через механизм обратной связи приведет к повышению и фактического уровня защищенности граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Блок Ф. Роли государства в хозяйстве // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 2. С. 37–56. [Block F. (2004) State Roles in Economy. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 5. No. 2: 37–56. (In Russ.)]
- Лебедева Л.С. «Качество жизни»: ключевые подходы и структура понятия // Мониторинг общественного мнения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 68–80. [Lebedeva L.S. (2018) Quality of Life: Main Approaches and the Notion Structure. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4: 68–80. (In Russ.)] DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.04.
- Масленникова Е.В., Добролюбова Е.И., Южаков В.Н. Статистика и социология результатов контрольно-надзорной деятельности // Экономическая политика. 2020. Т. 15. № 1. С. 90–107. [Maslennikova E.V., Dobrolyubova E.I., Yuzhakov V.N. (2020) Effectiveness of Control and Enforcement Activities in Selected Areas: Statistics and Sociology. *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy]. Vol. 15. No. 1: 90–107. (In Russ.)] DOI: 10.18288/1994-5124-2020-1-90-107.
- Юдина Т.Н., Бондалетов В.В., Мазаев Ю.Н., Бормотова Т.М., Долгорукова И.В. Общественная оценка деятельности полиции // Социологические исследования. 2017. № 4. С. 52–59. [Yudina T.N., Bondaletov V.V., Mazayev Y.N., Bormotova T.M., Dolgorukova I.V. (2017) Public Evaluation of Police Activities. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 52–59. (In Russ.)]
- Южаков В.Н., Добролюбова Е.И., Спиридонов А.А. Методические подходы к оценке контрольно-надзорной деятельности с позиции граждан как конечных бенефициаров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 2. С. 337–351. [Yuzhakov V.N., Dobrolyubova E.I., Spiridonov A.A. Methodological Approaches to the Assessment of State Control

- and Inspection System by the Citizens as its Beneficiaries. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology]. Vol. 19. No. 2: 337–351. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-337-351.
- Boholm A. (1998) Comparative Studies of Risk Perception: a Review of Twenty Years of Research. *Journal of Risk Research*. Vol. 1. No. 2: 135–163. DOI: 10.1080/136698798377231.
- Bouckaert G., Van de Walle S. (2003) Comparing Measures of Citizen Trust and User Satisfaction as Indicators of 'Good Governance': Difficulties in Linking Trust and Satisfaction Indicators. *International Review of Administrative Sciences*. Vol. 69. No. 3: 329–343. DOI: 10.1177/0020852303693003.
- Cheng H. (2015) Factors Influencing Public Satisfaction with the Local Police: a Study in Saskatoon, Canada. *Policing*. Vol. 38. No. 4: 690–704. DOI: 10.1108/PIJPSM-11-2014-0125.
- Cummings C.L., Berube D.M., Lavelle M.E. (2013) Influences of Individual-level Characteristics on Risk Perceptions to Various Categories of Environmental Health and Safety Risks. *Journal of Risk Research*. Vol. 16. No. 10: 1277–1295. DOI: 10.1080/13669877.2013.788544.
- Donahue A.K. (2014) Risky Business: Willingness to Pay for Disaster Preparedness. *Public Budgeting and Finance*. Vol. 34. No. 4: 100–119. DOI: 10.1111/pbaf.12051.
- Eiser J.R., Bostrom A., Burton I., Johnston D.M., McClure J., Paton D., van der Pligt J., White M.P. (2012) Risk Interpretation and Action: A Conceptual Framework for Responses to Natural Hazards. *International Journal of Disaster Risk Reduction*. Vol. 1: 5–16. DOI: 10.1016/j.ijdrr.2012.05.002.
- Han G., Yan S. (2019) Does Food Safety Risk Perception Affect the Public's Trust in Their Government? An Empirical Study on a National Survey in China. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 16. No. 11. DOI: 10.3390/ijerph16111874.
- He C., Han G., Liu Y. (2019) Food Safety Satisfaction in China and its Influencing Factors: Empirical Study with a Hierarchical Linear Model. *Safety*. Vol. 5. No. 1: DOI: 10.3390/safety5010017.
- Helliwell J.F., Huang H., Grover S., Wang S. (2018) Empirical Linkages between Good Governance and National Well-being. *Journal of Comparative Economics*. Vol. 46. No. 4: 1332–1346. DOI: 10.1016/j.jce.2018.01.004.
- Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. (2011) The Worldwide Governance Indicators: Methodology and Analytical Issues. *Hague Journal on the Rule of Law*. Vol. 3. No. 2: 220–246. DOI: 10.1017/S1876404511200046.
- Liu P., Ma L. (2016) Food Scandals, Media Exposure, and Citizens' Safety Concerns: A Multilevel Analysis across Chinese Cities. *Food Policy*. Vol. 63: 102–111. DOI: 10.1016/j.foodpol.2016.07.005.
- Ma L., Christensen T. (2019) Government Trust, Social Trust, and Citizens' Risk Concerns: Evidence from Crisis Management in China. *Public Performance and Management Review*. Vol. 42. No. 2: 383–404. DOI: 10.1080/15309576.2018.1464478.
- Meng B., Liu M., Liufu H.Y., Wang W. (2013) Risk Perceptions Combining Spatial Multi-criteria Analysis in Land-use Type of Huainan City. *Safety Science*. Vol. 51. No. 1: 361–373. DOI: 10.1016/j.ssci.2012.08.010.
- Mouter N., van Cranenburgh S., van Wee B. (2018) The Consumer-citizen Duality: Ten Reasons Why Citizens Prefer Safety and Drivers Desire Speed. *Accident Analysis and Prevention*. Vol. 121: 53–63. DOI: 10.1016/j.aap.2018.08.027.
- OECD. (2013) *OECD Guidelines on Measuring Subjective Well-Being*. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/9789264191655-en.
- OECD. (2017) *OECD Guidelines on Measuring Trust*. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/9789264278219-en.
- OECD. (2018) *OECD Regulatory Enforcement and Inspections Toolkit*. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/9789264303959-en.
- OECD. (2019) Trust in Government. In: *Government at a Glance*. Paris: OECD Publishing: 158–159. DOI: 10.1787/7c8e6ca7-en.
- Qin F., Song F. (2019) How Much are the Public Willing to Pay for the Environmental Protection: Evidence from Chinese General Social Survey Data. *Ekoloji*. No. 28(107): 3943–3950.
- Sironi E., Bonazzi L.M. (2016) Direct Victimization Experiences and Fear of Crime: A Gender Perspective. *Peace Economics, Peace Science and Public Policy*. Vol. 22. No. 2: 159–172. DOI: 10.1515/peps-2016-0008.
- Tertychnaya K., De Vries C.E. (2019) The Political Consequences of Self-Insurance: Evidence from Central-Eastern Europe, the Caucasus and Central Asia. *Political Behavior*. Vol. 41. No. 4: 1047–1070. DOI: 10.1007/s11109-018-9482-4.
- Vainio A., Mäkinen J.-P., Paloniemi R. (2014) System Justification and the Perception of Food Risks. *Group Processes & Intergroup Relations*. Vol. 17. No. 4: 509–523. DOI: 10.1177/1368430213503502.
- Van Tol J. (2016) Dutch Risk and Responsibility Programme. Some Research into Citizens' Views on a Proportionate Handling of Risks and Incidents. *Journal of Risk Research*. Vol. 19. No. 8: 1014–1021. DOI: 10.1080/13669877.2014.910691.
- Yang K., Holzer M. (2006) The Performance-trust Link: Implications for Performance Measurement. *Public Administration Review*. Vol. 66. No. 1: 114–126. DOI: 10.1111/j.1540-6210.2006.00560.x.

Статья поступила: 20.04.20. Финальная версия: 01.05.20. Принята к публикации: 04.05.20.

HOW CITIZENS EVALUATE SAFETY FROM STATE-CONTROLLED RISKS AND WHY

DOBROLYUBOVA E.I.*, YUZHAKOV V.N.*, POKIDA A.N.*, ZYBUNOVSKAYA N.V.*

**Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Russia*

Elena I. DOBROLYUBOVA, Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Center of Public Administration Technologies, Institute of Applied Economic Studies (dobrolyubova-ei@ranepa.ru); Vladimir N. YUZHAKOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Director of Center of Public Administration Technologies, Institute of Applied Economic Studies (yuzhakov-vn@ranepa.ru); Andrei N. POKIDA, Cand. Sci. (Sociol.), Director of Center of Social and Political Monitoring, Institute of Public Sciences (pokida@ranepa.ru); Natalia V. ZYBUNOVSKAYA, Researcher, Center of Social and Political Monitoring, Institute of Public Sciences (nzyb@ranepa.ru). All – Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

Acknowledgements. The article was funded by the state assignment on research and development studies to RANEPA.

Abstract. Despite protection from state-controlled risks is one of the key public goods this factor is hardly accounted for in quality of government evaluations. The paper analyses the data of sociological surveys conducted by RANEPA on citizen evaluation of public values safety (life, health, property, personal data, etc.) from 10 major risks controlled by the state. The results of 3 sociological surveys conducted in 2018, 2019, and 2020 in all Russian federal districts suggest that only about one third of citizen evaluate the level of public values safety as very high or high; over a half of respondents find that the level of public values safety is low. Perception of public safety depends both on social and demographic characteristics (age, material status, employment) and on other factors such as the level of trust to public regulatory and enforcement bodies and personal experience of respondents (encountering the risks in the past). Direct correlation between evaluation of public values safety and readiness to pay for safety improvement was found.

Keywords: risk perception, governance quality, control, regulatory and enforcement bodies, public values, sociological survey, safety evaluation.

Received: 20.04.20. Final version: 01.05.20. Accepted: 04.05.20.